

4. Слива Т.В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке). К.: Изд-во НПУ имени М.П. Драгоманова, 2011. 272 с.

5. Яременко Т.Г. Русский глагол с эксплицированным компонентом времени: деривационная история и перспектива: Дис. ... канд. филол. наук / НПУ имени М.П. Драгоманова. К., 2010. 220 с.

Ю.В. Сложеникина (Российская Федерация, г. Самара)

КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИИ МАСОНСТВА

(Г. Козицкий «О пользе мифологии»)

В январе 1759 г. из академической типографии вышел первый номер частного периодического издания А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». Исследователи рассматривают журнальную деятельность середины XVIII в. в контексте масонских просветительских идей Нового времени [Гуковский 1936, 41; Сахаров 2000: 40-41.]. Издатель привлек к сотрудничеству европейски образованных и наделенных писательскими способностями сотрудников. Одним из наиболее уважаемых Сумароковым соавторов был Григорий Васильевич Козицкий.

Первоначальное образование Козицкий получил в Киево-Могилянской академии. В.М. Живов и Б.А. Успенский усматривают особую роль деятелей Юго-Западной Руси в насаждении барочной культуры, предполагающей устойчивое употребление мифологических образов. Именно они, считают авторы, заложили в великорусских условиях традицию использования мифологических схем для описания христианских понятий, «когда мифология выступает как язык, а христианство – как предмет описания» [Живов, Успенский 2002: 487].

Первый номер «Трудолюбивой Пчелы» открывается статьей Козицкого «О пользе мифологии». Пафос статьи – необходимость изучения и усвоения античности в России. Помимо писаной истории, считает Козицкий, нужно чтить и мифологию – античные предания, скрывающие под кажущимся вымыслом истоки современных литератур, искусств, исторических и естественных наук.

«Словарь русского языка XVIII века» указывает 1759 г. в качестве времени первой фиксации слова *мифология* в современной орфографии, хотя при этом среди цитируемых источников указания на «Трудолюбивую Пчелу» отсутствуют. Несколькими десятилетиями ранее слово имело фонетический облик *митология*, видимо от. лат. *Mythologia*, а не гр. *Μυθολογία* [Словарь, Вып. 12: 213].

Можно предположить, что понятие *мифология* появилось в российском научном обиходе благодаря деятельности немецких академиков «первого призыва». Документально устанавливается, что в 1727 г. ученый-востоковед Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) читал лекции по мифологии в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук: «В лекциях слушателям своим толкует *мифологию*, историю древнюю, язык греческий и латинский». Об этом сообщается в фундаментальном труде М.И. Сухомлинова «Материалы для истории Императорской Академии Наук» [Сухомлинов 1885: 283]. Скорее всего русский язык обогатился термином *мифология* через немецкий (от нем. *Mythe*). Эта гипотеза опровергает предположение П.Я. Черных о французском посредничестве, поскольку автор историко-этимологического словаря основывается на более поздних письменных памятниках. Словарная статья *мифология* в Словаре отсутствует, а по поводу происхождения слова *миф* П.Я. Черных указывает, что оно «известно со 2-ой четверти XIX в. В форме ж.р. встр. у Пушкина в «Истории села Горюхина» [Черных 2006: 535].

В формирующемся национальном языке к середине XVIII столетия сформировались две пары слов, находящиеся в отношениях производности: *басня* – *баснословие*, *миф* – *мифология*. Как и в случае со словом *басня*, составители «Словаря русского языка XVIII века» в толковании понятия *баснословие* первым фиксируют значение «*повествование о языческих богах, героях; миф; мифология*». Лексема *баснословие* «отягчена» также и коннотативным значением «*недостовверные, вымышленные сведения, рассказы; недостовверность, ложность сообщаемого*».

Козицкий вынес слово *мифология* в заголовок статьи, предпочтя его исконно русскому *баснословие*. Какой в этом случае могла быть авторская интенция? Приведем толкование слова *мифология* по «Словарю русского языка XVIII века».

МИФОЛОГИЯ 1759 (мито- 1727), и, ж. Гр. *μυθολογία*, лат. *mythologia*, через нем. *Mythologie*. 1. *Наука и учебный предмет о мифах, сказаниях древних.* || *Книга, исследование о мифах.*

2. *Совокупность мифов какого-л. народа; повествование о языческих богах, героях.*

- Ср. *баснословие* [Словарь, Вып. 12: 213-214].

Известно, что заглавие представляет собой концентрированную сущность текста. Оно занимает пограничное положение между читателем, миром идей и произведением. Будучи именем текста, оно задает вектор его декодирования. Исследователи обращают внимание на то, что название эксплицитно или им-

плитно выражает замысел, идею автора. Это своего рода реперная, вершинная точка текста, его сильная позиция. Для читателя заглавие является основным толкователем авторского концепта.

В первом предложении Козицкий как будто уравнивает оба слова: «Многие как из древних, так и из новых писали о Мифологии, то есть, о баснословии» [С. 5]¹⁵. Однако чуть позже Козицкий называет мифологию красивой и полезной наукой. Значит, мифология – это целостное, совокупное учение о доисторическом периоде человечества.

Причина, которая подвигла Козицкого написать апологию мифологии, отрицательное к ней отношение в ученых кругах, когда на нее смотрят либо как на ветхие бабкины сказки, либо как на нечто достойное снисходительной насмешки, молчания или даже ругательства. Прагматика текста – восстановить и укрепить достоинство мифологии. Целевая аудитория автора – любопытные и любящие правду читатели. Риторическая стратегия – отказ от громких слов, замысловатых речей, красно и искусно сплетенного слога, а только изображение истины простыми словами. Объясняя читателю возможность и правомерность такой авторской установки, Козицкий заручается поддержкой древнегреческого драматурга Еврипида. Выбор авторитета, как кажется, не случаен. Творчество античного драматурга было во многом новаторским. Он не только вывел на сцену персонажей-людей, а не титанов или идеальных героев, но и пересмотрел отношение к мифологии. Оно стало рациональным: миф для драматурга – это лишь материал для отражения современных событий. Автор может по своему усмотрению менять второстепенные детали, давать рациональные интерпретации классических сюжетов.

Эта гипотеза подтверждается и самим текстом Козицкого: он восхищается великим божественным приобретением, дарованным человеческому роду – умом мыслящим и рассуждающим. Ум и слово, по Козицкому, лежат в основании всех наук. А науки приносят человеку вполне видимую пользу.

Приобщение читателя к мифологии делает его сопричастным славе античных героев и поэтов и открывает врата вечности. Не потому ли творчество современных писателей в презрительном количестве включает подобию и сравнения из древнего баснословия? «Но может быть новые писатели и без нее [мифологии] вразумительны? Никак. Они последуют стопам древних учителей и истинных натуры подражателей, узнав преимущества их баснословия, удержали

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Козицкий Г.В. О пользе Мифологии // Трудолюбивая пчела: Генварь [- декабрь] 1759 года. Вторым тиснением. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1780. С. 5-33.

оное, и украсили им также свои сочинения» – пишет Козицкий [С. 12]. Мифология для новых авторов может стать образцом «...нежных речей, великолепных слов, остроумных замыслов» – это и источник языковых форм, и модель развертывания сюжета [С. 13].

Мифология – связующее звено между предшествующим и последующим. Это ключ к пониманию произведений Нового времени. Скрепляясь единством персонажей или сюжетных ходов, мифология создает метатекстовое единство. Уже Козицкий заметил, что «одна басня соединяется со многими другими» [С. 14]. Тщательный и любопытный читатель, утверждает Козицкий, должен знать мифологию, чтобы «не преткновенно» читать новых авторов.

Поскольку для масонской литературы одним из основополагающих был вопрос соединения веры и разума, Козицкий не мог не коснуться богословских тем. Почитание богов древними язычниками должно, по Козицкому, стать образцом для современников. Козицкий еще раз восклицает о пользе мифологии, теперь уже подчеркивая ее нравоучительное значение: «...без нея нравоучение неприятно, бессильно и почти бездушно будет» [С. 28]. Как сахар скрывает горечь, так мифология под баснями прячет нравоучение. Кажется, что рассуждения о пользе мифологии – основе всех наук – нужны были Козицкому, чтобы «разогреть» читателя перед душеполезными выводами, подвести его к мысли о заложенных в баснях нравственных постулатах, явленных добродетелях. Неслучаен использованный автором специфический риторический прием антитезы, разведший по разным полюсам свирепство, клятвопреступление, сластолюбие и дружество, верность, храбрость, щедролюбие.

Таким образом, выстраивается логическая цепочка: мифология стоит у основания наук; наука – это систематический порядок; порядок – это Космос, гармония. Масоны называли себя вольными каменщиками, а в античности, например у Павсания, в строительном деле *гармония* обозначала особо прочный способ кладки камней в стене. Гомер называл *гармониями* скрепы или гвозди, которыми сбивали корабли. Мифология скрепляет не только «тело» науки, соединяет разные ее части, она примиряет разум и веру людей, в конечном итоге «благополучия их причиною быть может» [С. 33].

Библиографический список

1. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов М.-Л., 1936.

2. Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII-XVIII вв. // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 461-531.
3. Козицкий Г.В. О пользе Мифологии // Трудолюбивая пчела: Генварь [- декабрь] 1759 года. Вторым тиснением. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1780. – С. 5-33.
4. Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М.: Жираф, 2000.
5. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1984 – 2011. Вып. 1 – 19.
6. Сухомлинов М.И. Материалы для истории Императорской Академии Наук. В 10 т. [1885 - 1900]. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1885. Т. 1.
7. Фрейденберг О. М. Утопия // Вопросы философии. М., 1990. № 5. С. 148-167.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. 7 изд. М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

Р.И. Стеванович (Украина, г. Николаев)

ОТРАЖЕНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В «НАИВНОЙ» И НАУЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

За последние десятилетие бурное развитие получила когнитивная наука, которая, по выражению Н.Н.Болдырева, «является одним из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами» [Болдырев 1998: 302]. Когнитивная наука – это наука об общих принципах, управляющих мыслительными процессами в человеческом мозгу. Е.С. Кубрякова отмечает, что «когнитивную науку нередко называют «наукой о мышлении» [Кубрякова 2004: 48]. Когнитивная лингвистика выделилась из когнитивной науки как самостоятельное лингвистическое направление, которое исследует работу мозга на основе языкового материала. Н.К. Рябцева пишет, что «когнитивная лингвистика рассматривает язык как когнитивное явление, состоящее из ментальных конструкторов» [Рябцева 2005: 47].

В ногу с когнитивной наукой и её задачами исследования человеческого мышления идет молодая наука о творческом мышлении – эвристика. Основы этой науки были заложены древнегреческим математиком Паппом, жившим в III веке н.э. Им была написана книга «Сокровищница анализа» (или «Искусство